
живу на свете пристально и долго
и узнаю по звёздам над собой
собаку, обернувшуюся волком,
со стаей поднимающую вой,
я узнаю по неизменным свойствам
сомнамбулу-луну и оборотня-ночь,
нет, нет и нет, и я не стал вервольфом –
прочь, наважденье! преступленье, прочь!
туда, куда бегут вагоны,
стремятся гончие ощеренные псы,
но кровью плачут старые иконы
и Отче наш, но ты ему не сын –
небесный пёс, отбившийся от стаи...
дворняги в подворотнях видят сны.
иду домой, покуда люди лают
и не туда суют носы,
и полон город снега и попсы...

Ну посмотри: какая ночь сегодня!
Свод облаков, как пальмовая ветвь...
Вот месяц на осляти едет в смерть,
но то не смерть — сияние Господне...
Такая ночь! Машины мчатся прочь.
Во тьме горят ночные габариты.
Идут дома по улице разбитой.
Идёт домой — по лицам — пьяный дождь.
И светофоры пробивает дрожь.
Когда умру, я буду вспоминать
вот это всё — канун великой Пасхи,
тогда сниму обугленную маску
и, новое лицо, пойду гулять
с масличной ветвью, с новым (вдруг) лицом,
с знакомою округою и другом.
Под новым небом встанем полукругом
с женою, сыном, мамой и отцом,
с желанным домом, Критом и Москвой,
с собакою, служившею мне верно,
и свет небес качнётся белой вербой,
глубокой верой, тайной, тишиной,
голубкою и глыбью неземной,
и, зажигалкой чиркнувши с осечкой,
мы встанем все горячей светлой свечкой
навек светить в чертог пресветлый Твой!

Сувенир

словно в шарике снежном спускается снег
и крепки его стропы у каждой снежинки
тишина. красота. голос ветра померк
вечеринка
я смотрю на тебя сквозь исписанный лист
властелинку и миди, и мидий

всё возможно опять, только я — фаталист
и не спорю о данной планиде
разве можно идти в темноту одному
можно трижды отречься от чуда?
крикнет ко-ко-ко-кочет три раза во тьму
трижды звякнет на полке посуда
словно в шарике снежном небесная синь
по следам снегопада однажды нагрет
уходи-возвращайся-прощай-не покинь
в этом чистом высоком сиянье...

Аленький цветочек

газ танцует под вскипевшей джезвой
аленьким цветочком, голубым...
хорошо сидеть над самой бездной
за столом на кухоньке нетрезвой
и в глаза чудовищам земным
песню петь, как будто за глаза
не сморгнув, не опустив глаза
хорошо танцует среди ночи
над конфоркой аленький цветочек
на кофейной гуще погадай
тем, кто ведал ад, поведен рай
газ танцует, газ ещё танцует
в жизнь мою вращает непростую
и когда чудовище внутри
Виевы глаза с лица сотри
хорошо сидеть над самой бездной
за столом второго этажа
в век железный, бронзовый и медный
на окне кружочек надышав
среди Садов из льда, откуда Бог
выдохнул души твоей цветок...

Осенний вечер прян и жёлт,
как грусть, приснившаяся утром.
Как в тундре, где полно якутий,
немного ближе горизонт.
А то, что в мире есть печаль,
пожалуй, худшее открытье,
и я гоняю сцепку литер,
чтоб подтвердить, что очень жаль,
что так. Чистилище Земля
нас окунёт когда-то в землю.
И то, что это не приемлю, расскажет, осенью объят,
далёкий лес. Глубокий пруд
положит лодки вверх ногами,
мы побредём вниз головами,
как опустившийся салют.
Ну вот: сегодня будет праздник,
а, стало быть, мы не умрём,
а всё, что есть, переживём,
но поминать об этом — праздно.